

NADYA JET

Вектор
разрушения

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Nadya Jet

Вектор разрушения

«Автор»

2026

Jet N.

Вектор разрушения / N. Jet — «Автор», 2026

Нам приказали выйти на поверхность — туда, где радиация сжигает всё живое, а ветер несёт пыль забытых городов. Миссия простая на словах: найти и доставить. Но в Зоне нет ничего простого. Каждый шаг — риск. Каждый вдох может стать последним. И я не знаю, что страшнее: твари, прячущиеся в руинах, или тот, кого со мной отправили.

Содержание

Глава первая.	5
Глава вторая.	11
Глава тр	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Nadya Jet

Вектор разрушения

Глава первая.

Когда-то давно люди жили под солнцем. Вдыхали воздух, наполняя им легкие. Видели большое количество цветов. Иногда перед сном я фантазирую, представляя себя на поверхности, но зачастую эти фантазии меркнут на фоне ужасающей реальности. Когда-то чей-то дом теперь ядовитая, мертвая и навечно зараженная после страшной ядерной войны неизвестность. Там осталась только разруха былых времен и смерть, поджидающая любого, кто решит вернуться в это богом забытое место. Земля. Чужая. Убитая такими, как мы.

– Анника! – Стук в железную дверь буквально сотряс всю комнату, заставив стены задрожать. – Подъем! Ворота откроют через тридцать минут! Собирай манатки и на выход!

Он еще три раза ударил по двери, а затем с той стороны раздались удаляющиеся шаги.

Грубость Алекса постоянно проявляется в повседневной жизни. Он неуравновешенный после последней войны между бункерами. Контуженный О-типом и потерявший какой-либо контроль. Ему пришлось смириться с поражением нашего бункера, чтобы в реальном времени подчиниться победителю, как и всем жителям «Б-7» и прилегающих к ним секторам.

Лениво поднявшись с койки, я уставилась перед собой. Тахикардия влияет на дыхание, и я уже начинаю верить, что это начало панической атаки. Сегодня меня под конвоем передадут потенциальному врагу, чтобы немного сгладить ситуацию из-за тупой договоренности перед правительством двух бункеров. Вероятней всего, моя судьба уже решена. Казнь на глазах бункера-победителя как последнего представителя О-типа в моем убежище.

Что делать?.. Почему именно я должна ехать в «А-1» и отдуваться за ошибки жителей моего бункера? Думать о побеге нужно было раньше, но куда бы я пошла, если выход из «Б-7» – это вход в «А-1»? Куда бежать? На поверхность, которая убьет радиацией, если раньше не повет на куски какая-нибудь тварь? Непонятно, какая из этих смертей лучше.

В коридоре тишина. Вдали слышны приглушенные голоса соотечеников, которым предстоит остаться здесь и продолжить жизнь в лице обычного рабочего. Никогда бы не подумала, что буду завидовать возможности трудиться на благо родного бункера. Жаль, до казни я так обесценивала жизнь в «Б-7».

Стоит появиться в главном коридоре, как по обе стороны возникают солдаты. Ладно хоть свои, только вот непонятно, насколько это хорошо или плохо.

– Пошевеливайся, Грейсон, тебя должны переправить через несколько минут, – сообщает один из них, что покрупнее, грубо подталкивая меня бедром.

– Вам хоть известно, что со мной собираются сделать? Что говорят главные?

– Перед нами не отчитываются, Грейсон, – холодно отвечает второй.

– Кому ты врешь? Вы постоянно в курсе всех новостей и сплетен. Я должна понимать, к чему готовиться, разве вы не должны выполнить мое последнее желание?

– Тебе дали инструкции, когда вынесли вердикт.

Так бы и плюнула в его морщинистое лицо.

Какое громкое слово «инструкции»!

Всего неделю назад в мой сектор заявили подобные ребята, чтобы взять меня под охрану и чуть ли не силком утащить в центральную зону убежища. Под инструкциями они подразумевают невнятные крики про договоренность между «Б-7» и «А-1» после нашего поражения. Говорили, что именно я как единственный носитель О-типа в нашей зоне должна отпра-

виться к соседям в качестве извинения. Живой человек в качестве гребанного извинения. Цена моей жизни никогда не была так значима для правительства, как сейчас. Ранее меня даже не замечали.

Война между бункерами началась около двадцати лет назад. Тогда мне было шесть, и я не до конца понимала, что вообще происходит, как, впрочем, и любой другой ребенок моего возраста. По утренним новостям в тот день показали президента. Манера речи уже значительно отличалась от привычного для каждого ободряющего голоса, настраивающего жителей на продуктивный день. Он говорил медленно, чеканя каждое слово, а его взгляд был устремлен куда-то вдаль, будто он видел то, чего не могли видеть мы. Я запомнила его речь: «Нападение на западную часть «Б-7» является предательством, о котором молчать было бы преступлением. Гибель людей, многочисленные повреждения важных для жизнеобеспечения механизмов... Это объявление войны». Через неделю объявили чрезвычайное положение. Усилили охрану периметра, сократили пайки, ввели комендантский час. Крайние сектора от Б-1 до Б-6, окружающие центральную (своего рода столицу), подвергались частым атакам противника. Страх расползлся по убежищам, как радиация на поверхности. Люди начали делить друг друга на «своих» и «чужих», возлагая большие надежды на спасение от более сильных людей. Людей с большим процентом радиации в организме.

При эвакуации несколько сотен лет назад многие успели получить излучение. Со временем люди тех событий более-менее оправились, но изменения в ДНК будущего поколения за счет основных повреждений изменили некоторых людей. Радиация не просто повредила организмы, она запустила процесс, при котором тело пытается адаптироваться к новым условиям. В результате у разных людей сформировались два противоположных типа биоэнергетической реакции. Стабилизаторы и разрушители. Или носители положительной и отрицательной энергии. П-тип и О-тип.

П-тип стал основной инфраструктурой бункеров. Такие люди – своего рода полезные батарейки с кучей различных важных дополнений. Медицина, работа с системами жизнеобеспечения, регенерация и далее. Способности некоторых стабилизаторов могут творить невозможное, но они, как правило, уникамы, обитающие в более благоприятных условиях. Их не прячут от остальных, но повстречать кого-то с уникальным повышенным П-типом в организме можно нечасто. Я знала одного, когда была подростком. Его направили к нам в сектор для поднятия боевого духа, и это, признаюсь, сработало. Внешне он был словно ненастоящим на фоне бедолаг вроде нас, и все же изливался речами, что каждый человек, будь он с изменениями или же нейтрал, важен для победы, которая обязательно будет за нами. Увидь я его снова, рассмеялась бы прямо в лицо, хотя его тоже можно понять. Если правительство говорит – ты делаешь. Иначе придется совсем несладко, но вернемся к людям с изменениями.

Если большую половину в бункерах занимают стабилизаторы и нейтралы, О-тип после последней войны считается вымершей биоэнергетической реакцией. Разрушителями пользовались как оружием, приспособленным только для войны, словно их ключевая роль заключается исключительно в военных целях. На фоне полезного П-типа они могли сеять только хаос и уничтожения, влиять на самочувствие и поведение любого типа и нейтрала, выводить технику из строя. При всем этом О-тип и П-тип как носители энергии имели симбиотическую связь, позволяющую им находиться рядом друг с другом и даже работать сообща, но до момента, пока разрушители не научились влиять друг на друга. Ходит слух, что О-тип запросто может находиться в окружении хоть сотни стабилизаторов, но стоит двум разрушителям приблизиться друг к другу, как их совместную энергию силы и мощи ощутят все и каждый. Поэтому неудивительно, что О-тип вымер во время войны. Думаю, их уничтожила собственная энергия.

Я часто оглядываюсь назад, чтобы увидеть хотя бы одного близкого человека из прошлого. Кого-то, к кому можно прижаться, чтобы попроситься и даже пустить слезу перед верной смертью. Друга, опекуна, хоть кого-нибудь, хотя я прекрасно понимаю, что мы находимся

на запретных территориях, куда вход посторонним строго запрещен. На границу между бункерами попасть невозможно, если, конечно, ты не кто-то вроде меня.

Мы двинулись по коридору мимо уже знакомых стен с облупившейся краской, мимо камер наблюдения, которые следили за каждым моим шагом после задержания. У ворот уже ждали двое из «А-1»: в одинаковых серых униформах, с нейтральными, больше безразличными лицами. Один из них проверил какой-то чип у себя на планшете, кивнул.

– Объект Анника Грейсон. Соответствие подтверждено.

Сердце пропустило удар. «Объект». Не человек. Не девушка. Объект.

Солдат из «Б-7» толкнул меня вперед — не сильно, но достаточно, чтобы я сделала шаг через порог, отделяющий мой бункер от чужого и незнакомого мира. Поток холодного воздуха подхватил мои длинные черные волосы. Надеюсь, голубизна глаз не перекрылась расширенными от ужаса зрачками.

– Удачи, красotka, – едва слышно бросил солдат из моего бункера.

Или это было не пожелание, а насмешка?

Я обернулась в последний раз. За моей спиной остались стены «Б-7», люди, которых я знала всю жизнь, и все, что я когда-либо считала своим домом. Впереди — неизвестность и бункер «А-1», где меня ждет либо смерть, либо что-то еще более страшное.

Рельсовую вагонетку петляло из стороны в сторону при каждом повороте. Я бы никогда не подумала, что путь от одного бункера в другой может быть таким древним. Перемещение между секторами в «Б-7» куда современной. Это же приспособление явно раритет, и мы доберемся до места, дай бог, только через неделю.

– Извините, – я резко повернулась к охраннику, сидевшему напротив. – Сколько вообще займет дорога? Вы же наверняка знаете маршрут.

Он поднял взгляд от планшета. Высокий, лысый, с жесткими чертами лица и грубым взглядом. Форма бункера сидела на нем так, будто он носил ее всю жизнь.

– Девять часов, – коротко бросает он.

– Девять?! – я невольно выпрямляюсь. – Но вагонетка еле ползет, трясется на каждом стыке...

– По расписанию девять, – повторяет он, не меняя тона. – Если не будет обвалов. Если не откажет двигатель. Если не решит напомнить о себе какая-нибудь тварь из боковых штретков. Тогда дольше.

– А более современного средства передвижения у вас нет?

– Мы бы с радостью использовали пневмопоезд, но его линию еще месяц назад завалило.

– Ну здорово.

Девять часов пути длились целую вечность. За это время я успевала свыкнуться с мыслями о своей кончине, отсидеть одно место до боли в копчике и жутко проголодаться, так как завтрак в родном хранилище мне был не предусмотрен. Зачем переводить еду, которой и так мало? Очень предусмотрительно.

– Голодная, наверно?

Этот вопрос прозвучал, когда мы пересели на другой транспорт, более быстрый.

Не знаю, что ответить, и вообще стоит ли отвечать. После войны у всех непростые времена. Еды мало, а делить ее с врагом навряд ли кто станет из доброты душевной. Наверняка это способ позлорадствовать. Или проверить на что я готова пойти ради еды.

Молчание затягивается, пока под ложечкой неприятно посасывает.

– Держи. – Мне протягивают небольшую буханку хлеба, на которую я смотрю несколько секунд, не моргая. – Бери-бери, не отравленная же.

– Точно ли?

Усмехнувшись, мужчина берет мою руку и вкладывает хлеб прямо в ладонь, а через секунду достает из кармана флягу.

– И воды. Пей, пока есть возможность. Впереди еще три часа пути до «А-1». Испытание дорогой самое сложное.

Я нерешительно разламываю буханку. Запах настоящий, теплый, несмотря на то, что выпечка не свежая, с нотками ржаной муки и чего-то еще почти забытого. Не синтетика из бункера, не протеиновые брикеты. Настоящий хлеб.

– Слышал, ты носитель О-типа, – начинает говорить он. Видимо, устал молчать всю дорогу, сгорая от интереса. – В наши дни это редкость. Последний разрушитель истратил силы при облове. Мы уже забыли, на что вы способны.

– Боюсь, твоему народу придется разочароваться...

Слова выходят слишком тихими. Я вспоминаю, что передо мной вовсе не приятный собеседник, с которым можно пооткровенничать. Его люди однажды без предупреждения напали на один из наших секторов, после чего развязали войну внутри и на поверхности ради расширения территорий и оставшихся ресурсов. И хотя война закончилась, любое нужное слово могут использовать против. Для меня война еще впереди.

– Нет моего и твоего народа, Анника. Тебя ведь Анника зовут? – Я слабо киваю, на что он кивает в ответ. – А меня Борг.

Я снова кивнула, как бы в знак знакомства, но, разумеется, не собиралась верить ни одному сказанному слову. Хлеб ничего не значит, хоть и был самым вкусным пиршеством за последние двадцать лет моей жизни.

Борг усаживается напротив, занимая удобную позу, чтобы продолжить:

– Война позади, мы восстанавливаемся и ищем возможность не допустить ошибок прошлого. Сколько тебе лет?

– Двадцать шесть.

– Выходит, ты была совсем ребенком, когда все произошло. Рождаемость в «Б-7» значительно преобладала над нашим бункером, мы были в курсе этой статистики...

Поэтому напали на нас без предупреждения!

– ... Но у нас тоже были дети. Многие с О-типом.

– Во всем «Б-7» была от силы сотня людей с изменениями. Большинство стабилизаторы, не способные сражаться так, как О-тип. Преимущество с самого начала было за вами, благодаря чему вы и одержали победу. Лучше давайте поговорим о том, что ваше правительство собирается со мной сделать. Куда именно мы едем?

Лицо Борга неприступно на эмоции. Если он захочет солгать, я даже при большом желании не смогу этого распознать.

Совсем немного помолчав, он отвечает:

– В центральный сектор. В академию, где собирают выживших с изменениями.

– Для чего?

– Сама не догадываешься? Для воссоздания О-типа, его возможностей в будущем, как сильнейшего человека во всей истории создания. Радиация погубила миллиарды людей, уничтожила поверхность, медленно ее поедая, но не смогла оставить человека ни с чем. Изменения биоэнергетической реакции – сила будущего современного человека. Мы не можем остаться ни с чем.

– И что вы собираетесь делать? Заставите нас размножаться, как кроликов, чтобы возродить утраченную энергию?

– Что за доисторические методы? В твоём секторе знают, что такое наука?

– Значит, вы хотите ставить опыты? Лучше казните меня в нареkanie другим. Именно к этому я готовлюсь всю неделю. К смерти. А не к тому, чтобы быть подопытной в тупой академии.

– Живой от тебя больше пользы.

Это как посмотреть.

Теперь-то я знаю, что именно задумал соседний бункер.

Всю неделю после ареста приходилось свыкаться с мыслями о смерти. Представлять, как мое мертвое тело выкинут на поверхность, чтобы впоследствии с ним происходили ужасные вещи. Тогда я не могла придумать ничего ужаснее, но сейчас понимаю, что после прибытия в назначенную точку надо мной будут измываться изо дня в день, сделают подопытной крысой из-за этой чертовой энергии, которой во мне толком и нет.

Разрушителем рождаются. Это что-то вроде количества меланина в организме. У кого-то он преобладает, у кого-то в умеренной норме, у других же вообще отсутствует. С энергией все то же самое. Я не принадлежала ни к одному из типов ни в детстве, ни в сознательном возрасте, иначе бы мне вместе с остальными предстояло воевать и по всем показателям не вернуться с той войны. Энергию во мне обнаружили год назад, когда каждый из жителей сдавал своего рода анализ на количественное содержание радиации в организме. Никак не могу запомнить название этого идиотского теста... КРСО или что-то в этом роде. Комплексный радионуклидный скрининг организма. Он считается обязательным с тех пор, как влияние радиации заинтересовало врачей и ученых, только вот никто до этого не знал, что радиация может проявиться на пустом месте и спустя время.

Понятия не имею, где и когда я успела «подхватить» энергию, за которую сейчас придется расплачиваться. Я ей даже никогда не пользовалась, ведь не знаю, как это должно происходить и как она должна ощущаться. Мы все считали, что тест ошибочен, однако повторный анализ показал то же самое, что и первый. Думаю, как только в этой академии поймут, что толку от меня нет, меня все же казнят.

Борг поднимается и уходит в носовую часть транспорта, оставляя меня одну с догадками по поводу происходящего. Время до бункера проходит в раздумьях.

Война закончилась всего год назад, и каждый старается оправиться, чтобы встать на ноги. Враги одержали победу, забрали часть территорий, принадлежащей моему бункеру, и сейчас создают тупые академии для людей с изменениями. Наверняка в нее уходят большие ресурсы, пока другие сектора с обычными людьми голодают. Насколько мне известно, к людям с изменениями всегда было особое отношение. Правительство верит, за такими людьми будущее, и сейчас необходимо ставить приоритеты в их пользу, несмотря на преобладающую численность населения в пользу нейтралов.

«А-1».

Стоит транспорту влететь в открытые ворота, подобные тем, что были на выезде, как перед окнами начинает мелькать оживленная платформа. Многочисленные растения прямо на въезде в бункер сбивают с толку. Путают мысли, создавая впечатление поверхности до ядерной войны, как на картинках из прошлого, из-за чего я не могу удержаться и подхожу ближе, прижимаясь лбом к холодному стеклу, рассматривая здешнюю обстановку. Имитированное голубое небо с прекрасными облаками, деревья и удивительно зеленая трава. И все это на глубине 400 метров под землей. Я в жизни не видела ничего подобного. Свет здесь не резкий, желтый от ламп, а мягкий, почти солнечный. Я практически уверена, что он излучает естественное тепло.

Зашедший ко мне Борг сразу получает главный вопрос:

– Как вы это сделали?

– Так и знал, что именно это произведет впечатление, – спокойно проговаривает он и становится рядом, чтобы тоже уставиться на проносящиеся мимо пейзажи. – Наши ученые воссоздали лес пару десятков лет тому назад. Выяснили, какие растения могут прижиться под землей, подобрали спектр освещения. Здесь целая экосистема. Грибы фильтруют воздух, мхи удерживают влагу, даже насекомые есть, и все работает как единый механизм.

По коже пробегают мурашки.

В это сложно поверить, даже увидев собственными глазами. На людях нет какой-то стро-гой формы, которая делает из них одинаковую массу. Комбинезоны разных нейтральных цве-

тов. Люди свободно гуляют по платформе, общаются, кто-то лежит на траве, уставившись в небо и на ветви деревьев. Это словно другой мир.

– Это... не просто декорация?..

– Нет, – Борг усмехается моей реакции, но не насмехается. – Это гордость «А-1». Кислород, еда, очищение воздуха – все это нам дарит лес. Он поддерживает жизнь в бункере не меньше, чем генераторы и фильтры. Люди видят зелень, чувствуют запах травы, слышат птиц и помнят, что мир не всегда был таким, как сейчас. И мы можем его вернуть, собирая по кусочкам и веря в лучшее. Совместными усилиями.

У меня вырывается:

– У нас такого нет. Я думала, после войны все сложно справляются с последствиями...

Хочется добавить, что его бункер будто бы и не ощутил минувшей войны, но я сдерживаюсь. Наверняка здесь также погибло много людей, чьи смерти разбили множество сердец. Не мне зачернять их память.

– Как бы не было сложно и больно, нужно идти вперед. Мы пока все еще живы. – Борг смотрит на руку с огромными часами, где отображаются какие-то многочисленные и непонятные мне данные. – Идем. Мы почти на месте.

Сердце бешено барабанит в груди, плечи за пару минут становятся тяжелыми. Лес в ненужное время отвлек меня от действительности, поэтому сейчас я ощущаю дискомфорт в полной его мере.

– Эта академия обязательна? Что от меня вообще требуется?

– Такой информацией я не располагаю.

Врет.

Конечно, не вариант, что я получу хотя бы какую-то правду, но Борг был ко мне добр и достаточно сговорчив, несмотря на то, что наши бункеры развязали войну. Его бункер.

Я делаю шаг ближе, стараясь поймать его взгляд.

– Но наверняка догадываешься. Если вы хотите возродить О-тип искусственным методом, такие, как ты, обязаны что-то знать. К чему мне готовиться? Сколько людей с изменениями сейчас находятся в этой академии?

Молчание только выводит из себя. Будь у меня возможность управлять разрушениями, я бы разнесла здесь все к чертовой матери, чтобы получить хоть какие-то ответы, а еще лучше бежать куда подальше. Думать о казни было намного легче, чем о неизвестности.

Борг, предаваясь молчанию, терпеливо ждет, когда транспорт остановится. Пульс подскакивает от страха и раздражения, пока взгляд бесполезно блуждает по кабине. Хоть я и достаточно высокая, с мужчиной вроде него мне не тягаться, поэтому нужно сделать хоть что-то.

Он нажимает на кнопку, чтобы двери открылись, а я тут же жму на нее повторно. Двери, не успев нормально открыться, закрываются. Борг в изумлении тарачит на меня глаза.

– Ответь на вопросы! Я не выйду наружу, пока не узнаю, что меня ждет.

– Ты и сама сейчас все узнаешь, – грозно произносит он и снова жмет на кнопку, успевая перехватить мою руку за запястье. – Спокойно. Смотри.

Дернув руку вперед, чтобы тело выпрямилось и взгляд устремился на открывающиеся двери, Борг тут же меня отпускает.

Просторный зал с высоким сводчатым потолком, вдоль стен панели с индикаторами, экраны с бегущими строками каких-то данных, ряды непонятных приборов. Но внимание привлекают люди в черных комбинезонах с эмблемой «А-1» на груди. Двое взрослых мужчин с внимательными взглядами и важным видом. Один из них, тот, что пониже, делает шаг вперед и приветствует:

– Анника Грейсон, добро пожаловать в убежище «А-1».

Глава вторая.

Оглядываясь по сторонам, стараюсь запомнить каждую деталь, чтобы в случае побега не мешкать и не угодить в ловушку из-за собственной невнимательности. Борг уехал сразу, как только передал меня в руки мужчин, представившихся главными наблюдателями за людьми с изменениями. Мы проходим мимо многочисленных мигающих датчиков, которые растянулись чуть ли не в несколько десятков метров, а затем останавливаемся напротив большой железной двери. Один из них что-то рассказывает, пока другой ведет запись, я же вообще не знаю, как себя вести и что ожидать. Наверняка за дверью располагается лаборатория, в которой меня запрут, чтобы ставить опыты.

Сколько из меня готовы выкачать крови? Сколько датчиков прицепят к коже, чтобы выявить энергию и понять ее силу для будущего эксперимента?

– У нас лучшая программа анализа и более трехсот подопечных, – сообщает говорун, пока гигантская дверь медленно поднимается вверх. – Сейчас мы делаем все возможное, чтобы определить степень биоэнергетических навыков, разобрать индивидуальные техники пользования и выявить возможности так называемого сгустка.

– Сгустка? – со всем непониманием уточняю я. – Что такое сгусток?

– Концентрированный кластер энергии...

Тут же перебиваю:

– Простыми словами. Я не ученый, чтобы понимать ваши заумные термины.

Мужчины переглядываются, а затем говорун делает неуверенный шаг в мою сторону. Его ладони застывают в воздухе, словно собираются что-то протянуть. Видимо, моя просьба оказалась слишком сложной.

– Это... что-то вроде уникальной формы материального проявления радиации. С его помощью люди с изменениями могут быстрее восстановить силы. Он их питает. Если восстанавливать энергию после мощной затраты естественным путем, уходит чуть больше тридцати двух часов, но с помощью сгустка время восстановления занимает всего час.

– Так у вас есть батарейка для людей с изменениями? – Вопрос был риторическим, но говорун часто закивал, говоря: «Что-то вроде этого». – Теперь понятно, благодаря чему «А-1» выиграл войну. Где вы отыскивали эту штуковину?

– Я бы попросил не называть мощную энергию подобными словами... Сгусток – это одновременно величайший источник энергии и одна из самых опасных загадок современной физики. Мы только начинаем разгадывать его потенциал, а способность людей с изменениями взаимодействовать с ним открывает совершенно новые горизонты и риски для науки.

– Я уже поняла, что это открытие всех времен. Где вы его нашли? Такая энергия не могла проникнуть под землю именно в вашу лабораторию. Ее обнаружили на поверхности во время войны или вы создали ее сами?

– Самим подобную энергию создать невозможно, – усмехается говорун, словно это должно быть очевидно даже ребенку. – Наш разведчик наткнулся на сгусток задолго до объявления войны, когда собирал нужные материалы на поверхности. Ушло немало времени, чтобы придумать способ переместить энергию в бункер.

– Происходила целая операция, – подхватывает второй. – На задумку ушли месяца, а на реализацию целые годы. Правительство одобрило программу, благодаря которой появилось все это.

– Наша команда сделала специальную машину, способную переместить энергию под землю, но та выбилась из строя на середине пути, а мы предусмотрительно сделали копию. Мощности двух аппаратов хватило на путь с поверхности сюда.

– Не забывай, сколько времени ушло на то, чтобы разместить сгусток в нужном месте.

– Точно, это же отдельная история...

Они смотрят друг на друга, и тут я понимаю, что разговор об успешной операции может длиться до бесконечности. Мужчины начинают ностальгировать, пересказывая историю уже друг другу, а я замечаю, что ворота теперь открыты. Делая шаг вперед, чувствую явный перепад температуры. Холодный поток воздуха облегчает дыхание, пахнет чем-то новым, возможно, пластиком или чем-то вроде этого. Впереди кромешная тьма.

– И что там? – я перебиваю их в самый разгар истории, на что мужчины оборачиваются лицом к темноте.

– Академия.

– Во мраке?

– Темно из-за второй двери, но до нее придется добираться без нас.

– Очень не подозрительно.

Говорун протягивает большой фонарь, но я не спешу его брать.

В теории можно предпринять попытку к бегству прямо сейчас. Эти двое не выглядят как те, кто готов дать отпор и сопротивление, поведением показывая, что они только лабораторные умники, не солдаты. Их можно запугать, раз они считают, что у меня есть отрицательная энергия.

Отступая на шаг, поглядываю через плечо, но тут же полностью оборачиваюсь при виде двух громил, находящихся друг напротив друга по обе стороны помещения. Они стоят настолько неподвижно и бесшумно, что я даже не заметила их присутствия, слушая ученых.

– Справа будут твои вещи, слева рычаг, – как ни в чем не бывало сообщает говорун, снова протягивая фонарь в мою сторону. – Эта дверь очень быстро закрывается, чтобы избежать проникновения радиации в лабораторию, поэтому советую закрыть уши, как только дернешь рычаг и услышишь звук.

– Подождите... Радиация?

– Тебе нечего бояться. Для людей с изменениями в Академии допустимое количество радиации, а вот нейтралы вроде нас запросто могут получить излучение. Доза варьирует с радиацией в твоей крови, поэтому ты в полной безопасности. Тебе абсолютно ничего не грозит.

Черт возьми...

О какой вообще безопасности можно говорить, если я нахожусь на территории врага, который делает вид, что мне ничего не угрожает? Каждый из них общается открыто, отвечает на большинство вопросов и делится какими-то историями. Неужели все это игра, чтобы влиться в доверие?.. Но даже если так, зачем им тратить время на разговоры, когда можно использовать грубую силу?

Чуть ли не выхватывая фонарь, злюсь уже на себя. Может, и к лучшему, что там есть радиация. Пусть лучше она заберет мою жизнь без посторонней помощи, раз когда-то мои предки сумели от нее сбежать. Вероятно, это судьба.

И вот я уже среди темноты, уверенным шагом двигаюсь вперед, разыскивая взглядом рычаг. Кромешная тьма не разбегается от мощного фонарного света. Внутри ужасно темно и прохладно, из-за чего изо рта начинает идти пар, а кожа покрывается колючими мурашками. Шагая вперед около пяти минут, наконец-то настигаю нужной двери, рядом с которой находится стол с черной формой в виде комбинезона. Оглянувшись назад, чтобы разглядеть ученых, вижу только слабый свет с двумя силуэтами вдали.

– Чтоб вас...

Переодевшись в холодную одежду с красной вышивкой Б-7, оставляю свой комбинезон на столе и протягиваю руку к рычагу, чтобы лишь на секунду помедлить. Была не была...

Громкий гудок сирены до боли режет слух. Я не успеваю закрыть уши, а как только это делаю, пол вздрагивает из-за резко опустившейся первой двери. Эхо от закрытия звучит жутко, напоминает звуки и удары бомбежек. Невыносимая боль пронзает ухо, оно заливается кровью,

пока я машинально присаживаюсь на колени, стараясь не сойти с ума от боли, шума и поднявшегося ветра из-за второй медленно открывающейся двери. Давление будто резко поднимается, и от этого становится только хуже. Я еще какое-то время стараюсь держать глаза открытыми, но в моменте, когда это становится невыносимым, все же их крепко закрываю.

Проходит минута, две... Но на самом деле создается впечатление, словно это безумие длится больше часа. Помещение перестает трястись, но я какое-то время продолжаю сидеть на коленях с закрытыми глазами и зажатыми ушами. Тело потряхивает, и приходится принять усилие, чтобы приоткрыть глаза и посмотреть на режущий взгляд свет. Зрение немного падает от перемены освещения, и все же я вижу несколько помутневших фигур в черной одежде.

– Эй? – мужской голос становится ближе. – Ты как тут?

В ушах звенит, но у меня выходит убрать ладони, заметив на одной из них кровь. Состояние ужасно усталое, подавленное, словно это место высасывало не только воздух из помещения, но и какие-либо силы из меня.

Постепенно глаза фокусируются на рядом остановившемся парне, но разглядеть лицо все еще не удастся. Черный комбинезон с нашивкой «А-1», подобный моему, но буква и цифра зеленые. Поднимаю на него взгляд, чтобы в эту же секунду мы смотрели друг другу в глаза. Он молодой, возможно, чуть младше меня. Немного слащавый, и явно не солдат. Темно-русые выющиеся волосы, светло-карий цвет глаз и милостивые черты лица. Подобных слащавых парней в моем бункере нет.

– Вау, – вырывается у него, и я тут же прихожу в себя, понимая, что слишком долго и пристально всматриваюсь в его лицо. – Эм, привет, я Джоуи. А ты у нас?

– Анника.

– Досталось же тебе, Анника. – Он тянет руку, которую я тут же принимаю, с пониманием, что самой подняться будет куда сложнее. – Ты, конечно, прости, но... Мы ожидали увидеть кого-то менее симпатичного. Соседний бункер красотой не славится, насколько нам известно.

Понятно, очередной идиот.

От раздражения я тут же выдергиваю руку и пробегаюсь взглядом по остальным присутствующим, чьи лица чуть ли не источают тщеславие и высокомерие. Успеваю заметить, что они все хороши собой, ухожены и будто бы вылизаны. Аж тошно.

– Кто вы?..

– Ученики П-типа, разумеется, – невинно смеется Джоуи, тыкая пальцем в свою зеленую вышивку и нагло рассматривая меня с головы до ног. С его высоким ростом это удастся без особых усилий. – Хотели первыми увидеть О-типную.

– И делали ставки, насколько ты деревенщина, – тут же дополняет девушка из толпы.

– К вашему сведению, «Б-7» – центральный бункер с населением более восьмисот тысяч человек, но даже этот факт не дает никому из вас права называть кого-то деревенщиной.

– Последний П-тип из твоего бункера был полным обрыганом, – продолжает девушка. – Его и человеком-то сложно было назвать. Постоянно громко разговаривал, задавал тупейшие вопросы, словно вырос в каких-то катакомбах. Вонял так отвратно, что приходилось сидеть на занятиях с открытыми окнами. Он вообще не мылся.

Какая трагедия. Посмотрела бы я на ее чистоплотность, если бы в «А-1» были такие же перебои и ограничения с водой. Здесь-то наверняка к ним относятся как к членам королевской семьи, учитывая такой ухоженный внешний вид каждого из присутствующих. Взять в пример этого Джоуи. От него идет едва уловимый аромат душистого мыла, от которого хочется чихать, но это не делает из него хорошего человека, тем более после сказанного.

Есть ли смысл отстаивать свой бункер, когда эти избалованные П-типы так и ждут одного моего слова против, чтобы сказать в ответ тысяча и одно. Буду выше этого. Пусть думают и общаются, как хотят. Друзьями нам все равно не быть.

– Среди вас есть О-типы, с которыми я могу поговорить? Или ученые, которые за вами наблюдают?

Джоуи лукаво наклоняет голову.

– Идем, я провожу.

Его ладонь тут же ложится мне на талию, подталкивая в нужное направление, из-за чего приходится неловко дернуть плечами и подчиниться. Взгляды присутствующих насмешливые и внимательные, без какого-либо стеснения рассматривают меня с таким вниманием, словно я голая.

Мы прошли вперед, назойливая толпа двинулась за нами. Осматриваясь, начинаю понимать, что это место совсем не такое, как я себе представляла. Это никак не похоже на лабораторию, скорее окрестности полностью повторяют живую природу до ядерной войны на поверхности. Примерно то же самое было на въезде. Трава, небо, растения и деревья, среди которых находится огромное здание. Туда мы и направляемся.

– Итак, – отвлекает меня парень, – что слышно в Б-седьмом?

– Хочешь спросить, играют ли там на гуслях?

– Да перестань, мы же не собирались тебя дразнить, просто сказали, что ожидания и реальность не совпали. У нас редко бывают встречи с людьми из соседнего бункера. Вернее, их вообще не бывает. Поэтому всегда интересно узнать – что там на том конце лабиринта. Как обстановка после войны.

– Ты шутишь? Мои соотечественники сводят концы с концами, стараясь не умереть с голода и изнурая себя работой. Я думала, здесь тоже такая же ситуация, но, судя по вашим упитанным лицам и процветанию в виде поддельной окружающей среды с бабочками и цветочками, вы вообще не знаете, что такое война.

Меня разрывает изнутри от злости и упреков, поэтому умолкаю, желая поскорее встретиться с нужными людьми, которые должны разложить все по полочкам. Я верю, что можно найти компромисс или же в конце концов найти лазейку, чтобы сбежать отсюда.

Парень пытается возобновить разговор интересующими его вопросами касаясь моего бункера, я же ловлю себя на мысли, что нужно узнать об этом месте как можно больше, поэтому перехватываю инициативу в свои руки.

– Ученые за той стеной рассказали о сгустке, которым вы питаете силы. Что он из себя представляет?

– Тебе точно понравится. Он как мерцающее облако с переливами оттенков. От глубокого фиолетового до прозрачно-красного. Столько энергии в одном источнике нет даже в тысяче людей с изменениями, поэтому стоит оказаться в паре метров от него, как силы будто закипают. Ты реально начинаешь думать, что тебе нет равных. Интересно будет глянуть, как на него отреагирует твоя энергия.

– А как реагировала энергия остальных О-типов?

– Мы не видели.

– Почему?

– Ну... В Академии у нас только один человек с отрицательной энергией, но он не пользуется ей с окончания войны.

– Он воевал?

– Да, вместе с остальными, но после последней битвы, как вернулся один, перестал как-либо взаимодействовать с силой. Ты его еще встретишь. Иногда он появляется, чтобы рассказать о взаимодействиях силы и разума.

– Словно мне это интересно.

– Прекращай. Если верить слухам, на свете осталось всего два человека с отрицательной энергией. Вы должны держаться вместе.

– Хочешь уколоть тем, что мы – вымирающий вид? Не выйдет... Мы не животные.

– Я этого и не сказал! На вас большая ответственность, и это трудоемкая работа. Тем более Эллиот мой друг. Я бы никогда не обозвал его животным.

Только я считаю по-другому. Принимать участие в военных действиях против соседей, у которых практически нет людей с изменениями, – животный инстинкт. Хищный. Если ребята с положительным типом отсиживались внизу и помогали войне внутри убежища, отрицательный тип действовал на поверхности, пытаясь лишить нас фильтрации воздуха. Они надеялись, что мы задохнемся. Именно поэтому я не собираюсь подчиняться здешним правилам и становиться кем-то вроде их. Я не собираюсь помогать тем, кто хотел убивать ради территорий и ресурсов.

Мы уже почти подошли к лестнице, как вдруг наверху появляется женщина. Ее комбинезон подчеркивает стройную фигуру с округлыми бедрами, короткие ровные волосы цвета пшеницы блестят от поддельного солнца, взгляд суровый. Глаза серые, холодные, а губы тонкие, сомкнутые. Женщина начинает спускаться по лестнице и проговаривает четко, с расстановкой:

– Добро пожаловать в академию, Анника. Меня зовут Ингрид Вик. Я действующий руководитель академии. – Ингрид останавливается напротив. Наш рост сравнивается за счет ступеньки под ее ногами. – Мы очень долго тебя ждали. Все мы.

Я слежу за движением ее руки, замечаю, как наверху в линейку выстроились несколько мужчин и одна женщина. Каждый смотрит на меня с любопытством и вниманием, ровно так же, как их младшие соотечественники несколькими минутами ранее. Ингрид жестом приглашает меня за собой, приходится подчиниться, внимательно слушая ее хорошо поставленный голос.

– Понимаю твою растерянность. Любой приглашенный гость из «Б-7», оказываясь здесь, впадает в растерянность при виде созданных учеными условий. Конечно, нам далеко до натуральности природой среды тех времен, и все же это куда лучше бетонных плит и серого цвета.

Я решила не отвечать, бегло осматривая здание, в котором мы оказались. Сопровождающие Ингрид пропускают нас вперед, соблюдая дистанцию, но их немое присутствие лишь раздражает. Осматривают меня с ног до головы и даже этого не стесняются.

– В этом здании есть все для учебного процесса, – продолжает женщина, останавливаясь в центре гигантского помещения, похожего на мрачный зал. – Будь воля наших оформителей, они бы сделали все цветастым или озелененным, но правительство настояло на более сдержанном интерьере. Чтобы была концентрация. Крыло для девушек находится прямо по лестнице и направо, мужское крыло слева. В помощь я дам человека, который первое время будет сопровождать тебя и введет в курс дела. Сейчас же хочу рассказать о правилах, действующих в стенах академии, а больше о наших запретах. При нарушении дело отправится на рассмотрение правительству. Ты уже слышала о энергии с поверхности?

– Да.

– Приближаться к сгустку, взаимодействовать с ним без контроля старших руководителей строго-настрого запрещено. Подниматься на верхний ярус академии под купол тоже. Несмотря на то, что в вашей крови есть процент радиации, радиация под куполом чуть ниже той, что на поверхности. Никаких напрасных рисков. В основном на этом запреты ограничиваются. Не стоит говорить, что воздействовать силой на другой тип также нельзя?

– Кто-то хоть раз нарушал эти правила?

– Нет, – твердо произносит она, – и не стоит. Все ли понятно?

– Предельно.

Вероятно, я смогу сбежать отсюда, как только выясню о сгустке как можно больше и постараюсь им воспользоваться, ну а пока придется делать вид, что меня все устраивает, и я не желаю каждому из этих людей смерти.

Дальше Ингрид не хотела рассказывать ничего интересного. Говорила о занятиях, которые проходят для развития силы, о их принципах и пользе для всего человечества. Разговор

шел холодно, без лишних пояснений и эмоций. Да и от самой женщины добротой и открытостью не веяло. От того же Борга эмоций было куда больше.

Как только мы заканчиваем разговор, и она удостоверяется, что вопросов не имеется, я обращаю внимание на частый топот ног. Поступь легкая, словно бежит ребенок, и вдруг из-за угла действительно выбегает девочка лет двенадцати. Волосы светлые, собранные в две косы, в которые вплетены голубые ленты, голубые глаза круглые, слишком уж круглые и большие, обрамленные пышными светлыми ресницами. Девчушка тут же одергивает штаны комбинезона и убирает руки за спину, быстро приподнявшись на носочках. Я понятия не имела, что здесь могут быть дети. Тем более из сектора «Б-7», о чем говорит вышивка.

Ингрид тут же сообщает:

– Анника, это Мия. Мия – Анника. Именно она будет твоим компасом.

Мия улыбается, а я отвлекаюсь на ямочки на ее пухленьких щечках с нежным румянцем. Она никак не выглядит заложницей или той, над которой здесь издеваются. Возможно, бедняжка не до конца понимает, где оказалась, пока ее родители в «Б-7» места себе не находят, если вообще живы.

Я уже не слушаю, о чем говорит Ингрид. Ее слова можно воспринимать только наполовину, а вот от ребенка узнать правду будет куда проще.

Обменявшись парой слов с главными и наблюдая, как они уходят, обсуждая уже другую тему, возвращаю внимание на Мию. Совсем малышку на фоне моего роста. Мы смотрим друг на друга с любопытством, пока я не произношу:

– Привет...

– Ты очень красивая, – признается она, вгоняя меня в краску. – Как и большинство О-типов.

– Ты многих видела?

– Двоих, включая тебя. П-тип считают симпатичными, но про твой вид в моем секторе рассказывали сказки. Я даже рада, что они оказались правдивыми.

– Ты же тоже с Б-7?

Мия кладет крошечный пальчик на вышивку. Я киваю.

– Да, глупый вопрос, но хотелось уточнить. Мне сказали, здесь еще один человек с моего бункера. Только вот отзывались о нем так себе. И это парень.

Девочка ворочит взгляд. Откровенничать явно не собирается, но буквально через пару секунд подходит ближе и подзывает наклониться. Я не упускаю эту возможность.

– Он умер пару месяцев назад, – шептывает Мия. – Не смог вытерпеть здешних насмешек.

– Как умер?..

– Ночью тайком пробрался к стустку, и тот его убил своей силой.

– Скажи-ка, а... Запрет, о котором рассказывала Ингрид, появился не после этого случая?

– Нет, давно. Того мальчика звали Стив. Здесь мало кто называет его по имени даже после смерти. Всегда обзывали и дразнили, хотя он никогда не делал ничего плохого. Мы с ним немного общались, он был моим другом и не был таким, как его привыкли обзывать.

– Как думаешь, он... то есть Стив... хотел овладеть силой, чтобы отомстить? Поэтому пошел к стустку, зная о запрете?

– Все именно так и думают, но я считаю, это неправда. Идем, нам не стоит задерживаться.

Она тянет руку в нужную сторону и быстро переводит тему, словно пару секунд назад мы не говорили об этом Стиве. Мия проводит экскурсию по огромным коридорам, рассказывает про кабинеты, в которых проходят тренировки и обучение, пока я внимательно осматриваюсь. Нужно вернуться к обсуждению смерти соотечественника, но девочка беспрерывно болтает, рассказывая о местных правилах и ситуациях. Ничего интересного.

– Твоя комната, – довольно объявляет Мия, забегая внутрь и раскидывая руки. – Классная, да? В моем секторе после войны большинство семей стали жить в одном уцелевшем помещении. Все спали на полу в общей куче, места практически не было, а запахи стояли отвратительные. Некоторых даже тошнило. Выходить было нельзя, всегда темно... Они сэкономили энергию, поэтому свет включали только тогда, когда приносили пайки.

Мия задумчиво опускается на кровать, осматривая небольшую выделенную для меня комнатку, а я кажется понимаю, откуда она. Это немного пугает, ведь если я не ошибаюсь, ее дома уже нет. От завала погиб целый сектор.

Опустившись рядом, уточняю:

– Ты из сектора Б-3?

– Да. Ты была там?

Воодушевление в детском голосе, интерес в искренних глазах сразу дают понять – она не знает, что Б-3 больше не существует. Его около года назад поглотила земля почти сразу, как люди остались без пути к выходу из сектора, чтобы эвакуироваться. Сначала они лишились провизии, ведь подобраться к ним стало невозможно, а потом голод сменила смерть. Мне страшно думать, через что прошли жители того сектора. Хранили ли они в себе надежду, что правительство сможет их спасти?..

– Нет, – мой голос едва заметно дрогнул, – сейчас запрещено перемещаться между секторами. Мия, а как давно ты здесь?

– Около года. Меня эвакуировали отдельно от остальных. Ингрид обещала, что позже я смогу съездить к родителям. Их вместе с остальными эвакуировали в соседние сектора. Возможно, даже в твой, и вы виделись. Джефф и Кара Уилсон. Тебе не знакомы их имена?

От взгляда Мии внутри все сжимается. Я отрицательно мотаю головой.

– Но сектор Б-7 как-никак столица, – продолжает она с улыбкой. – Конечно, вы могли не видеться, но как бы было славно, если бы ты их знала. Можно было бы это назвать чудом, и мы были бы знакомы через одно рукопожатие. – Девочка мечтательно переводит взгляд на потолок, чтобы сразу вернуться к разговору. – А где сейчас твои родители?

– Я сирота.

– Прости...

– Ничего. Я их совсем не знала. Была ребенком, когда дядя взял меня под опеку.

– Должно быть, он хороший человек, раз взял тебя к себе. Я знаю многих детей, оставшихся без родителей, но их родственники не брали за них ответственность. У самих много хлопот.

Как и у всех.

У моего ближайшего родственника не хватило времени даже на то, чтобы прийти и попрощаться. Я не рвусь говорить о том, что он отвечал за меня лишь материально, и мы практически не виделись. Смутно помню силуэт в белом халате, заумные фразы и термины, которые тот практиковал в своей лаборатории. Впервые мы встретились с ним лицом к лицу в тот момент, когда во мне выявили О-тип. Он ничего не говорил, лишь наблюдал со стороны профессионала, анализировал и что-то записывал в блокнот. Пожалуй, я никогда не узнаю, какие записи тот вел и что чувствовал. Я даже не уверена, что это был он, насколько мы друг друга не знаем.

Задумавшись об этом, я понимаю, что думать о своей боли гораздо легче, чем говорить о боли другого. Мия еще совсем ребенок, который искренне верит словам взрослого. Она считает, что ее сектор сразу после ее отъезда эвакуировали, и поэтому мне не по себе. Я не нахожу в себе сил рассказать правду.

Девочка вскакивает на ноги и улыбается каким-то своим мыслям, пока не начинает говорить:

– Ты уже успела увидеться с кем-нибудь из академии?

– Думаю, с большинством.

– Они весь вчерашний вечер только о тебе и говорили.

– Это должно льстить? – не скрывая удивления, уточняю я и поднимаюсь на ноги. – Они помимо своего тщеславия и красивой картинки ничего не видят. Мне хватило слов о Стиве, чтобы понять, кто какие приоритеты преследует, поэтому сколько бы они обо мне не говорили, я буду придерживаться первого впечатления. А ты с ними ладишь?

Мия приоткрывает рот и как-то резко отвечает:

– Ну конечно, мы здесь все друзья! За год учебы я выучила имена каждого студента.

– «Каждого» – это сколько?

– Нас здесь около трехсот.

Господи, ну нет...

– И всех знаешь по именам?

– Ладно, я немного преувеличила... Но популярных ребят я знаю. Клара, Джорджия, Джоуи...

– Хорошо, ладно, Мия, я верю. И если они тебя не обижают, верю в лучшее, но своего придерживусь.

– Что вообще ни с кем не будешь общаться? Даже со мной?

Ее голос издает жалость, на что я удивленно скидываю брови, не зная, что именно ответить. Привыкать к малышке будет большой глупостью, если я собираюсь бежать. Ничего хорошего не выйдет.

– С тобой буду.

От услышанного на детских щеках появляется румянец. Девочка довольно улыбается и говорит, что нам пора спускаться к обеду, а дальше мне предстоит как следует постараться, чтобы никто не узнал о моей ничтожной силе. Вернее, о том, что я совсем не умею ей пользоваться.

Глава тр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.